

Шутя или герой?

Le motif qui nous ramène — C'est la douce humanité. Beaumarchais.

Вы помните эффектную картину Конвента в романе Гюго «Деятели третьей года»? Охарактеризовала партия Собраний, поэт прибавляет: «в этой атмосфере страстей, героических выходов, порывов самоотвержения шныряла темная, безымянная личность. Низший слой собрания назывался *Болотом*. Там гнѣдилось все, что колебалось, люди сомѣвавшіеся, лишённые энергии, всегда того боишеса». Среди страстного, возбужденнаго общества революціи это *Болото* ярко бросалось въ глаза нравственной ничтожностью, безличіемъ, апатіей. Но оно вѣчно живётъ среди людей. Въ явные періоды общественной жизни оно цвѣтётъ особенно пышнымъ расцвѣтомъ, считается даже основой человѣческаго благоденствія. Парманинъ, видѣвшій страстную эпоху нѣмецкаго шашетія на Францію, пережившій осаду Парижа и средѣ всѣхъ этихъ ужасовъ ни на одну минуту не забывшій о своихъ любимыхъ приютахъ, кажется намъ смѣшнымъ, даже пошлымъ. Но сколько тавихъ парижанъ въ обыкновеннаго времена пользуются репутаціей людей почтенныхъ, благообразныхъ, всѣми уважаемыхъ! «Мертвецы» ежедневно погребаютъ «мертвыхъ» и совершенно серьезно убѣждены, что они *живутъ*, что вѣдь ихъ жизни нѣтъ ни счастья, ни свѣта...

Но истинная жизнь не въ этомъ *Болотѣ*. Она живетъ и волнуется по берегамъ его, совершенно ему чуждая, всегда готовая бросить насмѣшку и презрѣніемъ въ «царство смерти». Эти течения смѣха и гнѣва никогда не исчезаютъ въ человѣческомъ обществѣ. *Болото* чаще всего не знаетъ, не хочетъ знать этихъ теченій. Нужны бываютъ немощныя усилія, чтобы смѣть людскую плесень въ расцвѣтъ

затхлую, застоявшуюся атмосферу. Но есть средство покоробить и взволновать ее, раньше чѣмъ настанетъ время совсѣмъ ей исчезнуть. Энтузіазмъ и лирической протестъ мейбо всего способны поддѣйствовать на «темныхъ», безымянныхъ личностей». Въ ихъ собственномъ сердцѣ не живетъ сильного чувства. Чужіе порывы будутъ смѣшны, покажутся глупостью навывшихъ людей. Но зато другое оружіе нѣтъ поражаетъ ихъ, лишая ихъ даже возможности сопротивляться. Это оружіе— смѣхъ. Онъ смертеленъ для нихъ. Часто одно острое слово,— и самая дорогая симпатія болотнаго существованія доляны ступеневаться, измѣнить форму, войти въ сдѣлау съ побѣдоноснымъ смѣхомъ.

Исторія не знаетъ болѣе неподвижной, мертвенной среды, чѣмъ высшее общество Франціи въ періодъ XVII и XVIII вѣка. Намъ нѣтъ необходимости слышкомъ глубоко окунаема въ эту тину. Мы пѣзъ ея царства извлечемъ лишь нѣсколько картинъ личной и общественной жизни. Мы увидимъ, какъ лицемѣріе, ханжество, эгоизмъ окутывали каждый моментъ чело- вѣческой жизни.

Людовикъ XIV въ старости былъ очень небогатъ. Два дня въ недѣлю онъ слушалъ объѣды. Церковь всегда была полна молящимися. Кавалеры и дамы сдѣлаи съ важными свѣчками въ рукахъ, углубившись въ молитвенникъ. Однажды начальнику королевской гвардіи вздумалось сыграть надъ этими богомольцами заду шумную. Онъ объявилъ во всеуслышаніе, что короля въ церкви на этотъ разъ не будетъ. Свѣчки быстро погасли,— и церковь опустѣла...

Король въ молодости былъ очень выюбчивъ, безъ всякаго колебанія отнималъ женъ у мужей; дѣлалъ это даже по желанію своихъ любовницъ. Дженглямены, воспитанные въ такой школѣ, не отставали отъ своего повелителя. Расторгнуть чужой бракъ и выслатъ мужа изъ Парижа для тогдашняго кавалера не стоило ни малѣйшаго труда. Le roi est si bon... Наслѣдивъ этого короля былъ еще добрѣе. При немъ произошелъ таковой случай. Маркиза de-Langeac, любовница одного изъ министровъ, торгоза-

ла королевскими привазами, продавала ихъ даже по весьма сходной цѣнѣ— по десяти луддоровъ. Многихъ влюбленныхъ дженгляменовъ осчастливила маркиза. Но однажды молодая женщина купила привазъ объ арестѣ своего слышкомъ ревниваго мужа. Мужъ въ тотъ же день купилъ привазъ объ арестѣ своей слышкомъ легкомысленной жены. Оба супруга очутились въ государственной тюрьмѣ.

Le roi-soleil любилъ очень литературу и весьма смѣло судилъ о ней, не обладая ни развитіемъ, ни эстетическимъ вкусомъ. Его маркизы также претендовали на роль непогрѣшимыхъ критиковъ, даже литераторовъ. Посмотрите, какъ у Мольера эти вѣднтели изрекаютъ смертные приговоры надъ лучшими явленіями современной литературы. А когда ихъ начинаютъ убѣждать въ противномъ, она въ отвѣтъ напѣваютъ веселый куплетъ. Она совершенно искренне считаютъ себя природными гениями, потому что «les gens de qualité, les personnes de qualité знаютъ личную и общественную яззыя. Мы увидимъ, какъ лицемѣріе, ханжество, эгоизмъ окутывали каждый моментъ чело- вѣческой жизни.

Эти люди высшее развитіе умственной жизни полагаютъ въ томъ, чтобы «juger sans états et raisonner de tout». Это ихъ esprit. А ихъ сердце, le coeur,— живетъ лишь вѣчнымъ желаніемъ «prouver des affaires d'une gaillarderie». Безтолковая, самодовольная болтовня и адольтерныя похождения— въ этомъ всѣ интересы личной и общественной дѣятельности французскаго дженглямена до-революціонной эпохи.

Такие герои могли служить неисчерпаемой темой для смѣха. Мольеръ вѣриль, что до конца жизни онъ не успѣетъ вывести на сцену всѣхъ «смѣшныхъ маркизовъ». И онъ неутомимо смѣялся надъ ними. Его смѣхъ порывалъ господствовавшіе пороки времени. Но поэтъ всегда чувствовалъ надъ собой тяготѣніе «короля-солнца», и его насмѣшки затрунцли далеко не всѣ безобразныя стороны современнаго *Болота*. Онъ ограничивался нравственными пороками людей. На какой основѣ выросли эти пороки, поэтъ не хотѣлъ или не смѣлъ знать. Маркизы дѣй-

ствительно были смѣшны, но вѣдь своими качествами они обязаны были повѣи и воздуху, которыми жали. Если бы маркизы были иными, ихъ тогда осмѣялъ бы уже не обдѣный поэтъ-комедіантъ, а весь дворъ, весь городъ, т. е., по понятіямъ того времени, «весь міръ». Не въ маркизахъ коренилась сущность зла, а въ самихъ принципахъ жизни, въ самихъ учрежденіяхъ, въ идеалахъ, воспитанныхъ людьми, стоявшими на вершинѣ общества. Дѣло Мольера ядало существенныхъ дополненій. Смѣхъ надъ «маркизами» долженъ былъ явиться осмѣяніемъ всего житейскаго строя. Шутки Салона надъ своими господами должны перейти въ смѣлую, энергическую критику общаго положенія всѣхъ господъ, ихъ принципиальныхъ отношеній ко всѣмъ, обдѣленнымъ судьбой и обществомъ.

Всеной 1782 г. по Европѣ путешествовалъ вѣстѣ съ супругой наслѣдникъ русскаго престола, будущій Императоръ Павелъ I. Въ концѣ мая путешественники прибыли въ Парижъ. Они застали все общество въ сильномъ волненіи. Во дворцѣ, въ аристократическихъ гостиницахъ повторялось имя одного современнаго писателя. Всѣ были взволнованы судьбой его послѣдняго произведенія. Оно возникло болѣе года тому назадъ, облетѣло всѣ салоны и было, наконецъ, прочтено въ присутствіи Людовика XVI. Всѣдъ разсказывали, въ какой гнѣвъ пришелъ король во время чтенія пьесы.

— Это возмутительно!—воскликнулъ онъ.—Пьеса никогда не будетъ представлена,—иначе пришлось бы разрушить Вастілю. Этотъ челоувѣкъ издѣвается надъ всѣмъ, предъ чѣмъ слѣдуетъ благоговѣть въ благоустроенномъ государствѣ.

— Научилъ пьеса не появится на сценѣ!—спросила королева съ явнымъ сожалѣніемъ.

— Въ мое царствованіе—никогда!—отвѣтилъ король.—Можете быть въ этомъ увѣрены.

Ничто слыабы не могло рекламировать литературное произведеніе, какъ приведенный разговоръ. Рѣшеніе короля могло обезкуражить автора. Но авторъ былъ— Бомарше. Онъ принялъ вызовъ, повелѣ-

ожесточенную кампанію и остался побѣдителемъ.

Для всѣхъ, знавшихъ Бомарше, не могло быть и сомнѣнія въ успѣхѣ. Никто еще не забылъ процесса поэта чуть ли не съ цѣлымъ судебнымъ сословіемъ Франціи, но забыли о томъ, какъ поэтъ устронилъ безпринципную аппеляцію на своихъ гонителей—обратился къ общественному мнѣнію—п, осужденный формально, на самомъ дѣлѣ проборѣлъ славу побѣдителя и гениальнаго писателя. Дѣло сначала шло о 15 луддоровъ,—ихъ поэтъ далъ въ видѣ взятокъ женѣ одного изъ судей, разбиравшихъ его дѣло о наслѣдствѣ. Процессъ окончился—п дни правительственнаго парламента были сочтены.

Вскорѣ собраніе, во всемъ поворное правительству, было распущено. Его замѣнило другое, самостоятельное и популярное въ странѣ. Дѣло писателя такимъ образомъ оказалось дѣломъ всей націи.

Обстоятельства со смертью Людовика XIV сильно измѣнились. Смѣшныя маркизы продолжали существовать, но «жаки» уже не позволяли благороднымъ наѣзднякамъ давать себя на ушицахъ. Бомарше тоже былъ изъ числа «жаковъ». Но въ то время, какъ у Мольера среди аристократіи были почти одни враги, въ парижѣ у Бомарше представляли этой аристократіи поднимевалось «grès humble et très obéissant serviteur», а писателю называлъ ихъ «mon cher»... Мольеръ боролся за «Гартифо» одинъ. Его вся надежда была на счастлиное настроеніе короля. Теперь борьба пойдетъ совершенно иначе—*противъ* взглядовъ короля въ союзъ съ цѣлымъ обществомъ.

Бомарше отлично зналъ своихъ современниковъ и особенно современникъ. Его пьеса и безъ того не отличалась скромнымъ тономъ. Онъ присочинилъ къ ней крайне фривольное предисловіе. Здѣсь ав-

торъ, котораго проситъ прочесть пьесу, сравнивается съ кокеткой, у которой просятъ любви... Дамы были въ восторгѣ отъ игривой характеристки. Въ интересахъ дамъ былъ приготовленъ особый, необычайно изысканный списокъ пьесы съ розовыми ленточками и съ милой надписью автора: *Opuscule comique*... Среди дамъ вошло въ моду слушать «Фигаро». Не испытывая этого наслажденія считали несчастной, hors de mode. Бомарше увидѣлъ, что страсти достаточно раздранены и время измѣнить тактику. Немедленно онъ заперъ пьесу въ столъ и объявилъ, что не станетъ больше никому читать ее изъ опасенія «навѣть немилость вышше». Едва только авторъ принялъ это рѣшеніе, какъ одной принцессѣ, подругѣ королевы, захотѣлось устроить вечеръ съ «Фигаро». Она послышалась къ Бомарше герцога Фронсаса. Герцогъ приглашаетъ поэта къ себѣ объѣдать, а потомъ вѣхать къ принцессѣ.

Бомарше отказывается и отъ того п отъ другаго. Принцесса и герцогъ повторяютъ свои просьбы,— снова отказъ,— поэтъ даже не принялъ герцога. Только послѣ новыхъ просьбъ Бомарше уступилъ, и подруга королевы, наконецъ, слышала пьесу.

Все это произошло до пріѣзда Цесаревича въ Парижъ. Въ первые же дни онъ узналъ обо всемъ, и естественно захотѣлъ познаться лично и съ авторомъ и съ пьесой. Гриммъ получилъ привазъ—просить Бомарше пріѣхать къ Цесаревичу вѣстѣ съ пьесой. Въ пьесѣ обдѣлалось содѣйствіе Цесаревича—снять съ пьесы запретъ короля. Бомарше только этого и ждалъ. Чтеніе состоялось 26-го мая. Велювикянская чета была очарована и пьесой и авторомъ. Дамы, впрочемъ, вѣдѣсь въ своихъ восторгахъ превзошли кавалеровъ. Онѣ настаивали—отослать пьесу въ Петербургъ, въ Императрицѣ.

Вечеръ этотъ имѣлъ важныя послѣдствія. Бомарше немедленно сообщилъ властямъ объ успѣхѣ своей пьесы у русскаго Наслѣдника, настаивалъ на допущеніи ея на сцену: иначе,—говорилъ онъ,—ему нельзя послать пьесу Императрицѣ. Такимъ образомъ отказъ въ постановку пьесы принималъ видъ крайне нелюбезнаго отношенія къ русскои Государынѣ. Во-

марше именно на такую почву и ставилъ вопросъ, просилъ даже начальнаго полиціа Компани подумала послѣ охоты разучить Великому Князю. А отвѣчать приходилось немедленно, потому что Цесаревичъ уѣзжалъ черезъ двѣ недѣли и ждать съ нетерпѣніемъ результата переговоровъ поэта съ властями.

Въ Парижѣ съ замѣраніемъ сердца смѣдрили за ходомъ дѣла. Марія-Антуанета выѣхавъ съ другими дамами была искренне увлечена комедіей. Людовикъ XVI не отличался энергіей и стойкостью въ убѣжденіяхъ. Онъ, кромѣ того, горячо любилъ жену. Въ іюнь 1783 года разнеслась вѣсть, что пьеса разрѣшена. «Весь Парижъ» собрался въ залѣ Menus-Plaisirs. Легко представить, съ какими нетерпѣніемъ ждали податія званѣса. Другъ получался привазъ—отнѣять представленіе.

Это была одна изъ важнѣйшихъ ошибокъ Людовика XVI. Эгоистическое правленіе Людовика XIV обвально челоу людей, ближе всего стоявшихъ къ трону. Только безпринципностью и безирмѣнными политическими легкомысліемъ парижской аристократіи XVIII вѣка можно объяснить ея поведеніе послѣ внезапнаго запрещенія комедіи Бомарше. Когда разнеслась вѣсть о распоряженіи короля, на всѣхъ улицахъ Парижа, во всѣхъ сезонахъ посылались слова—«угнетеніе», «стираніи». Очевидцы говорятъ, что эти слова никогда еще влолѣть до самой революціи не произносились съ такимъ гнѣвомъ и ожесточеніемъ. Замѣчательно, что неудача пьесы болѣе всего огорчали придворныхъ и самыхъ близкихъ родственниковъ короля, графа Артуа и Марію-Антуанету. Намъ кажется едва понятнымъ, какимъ образомъ всѣ эти люди могли страстно желать публичнаго представленія пьесы, влѣившей жестокой насмѣшкой самая основы аристократіи и всего стараго порядка.

До такой степени царла смута въ общественномъ и политическомъ сознаніи подданныхъ Людовика XVI.

Король не такъ легко поддавался уловкамъ хитраго автора. Сопротивлялся Людовикъ XVI не могъ: оппозиція была слышкомъ сильна. Онъ постарался затормозить постановку комедіи и назвначалъ шесть цензоровъ одного за другимъ. Отчеты большинства цензоровъ дошли до насъ. Цензоры, очевидно, страдали тѣмъ же

ослѣпленіемъ, какое владѣло аристократическими поклонниками Бомарше. Цензоры искали въ пьесѣ лишь неприличныхъ выраженій, словъ, оскорбительныхъ для слауха салонной публики. Фигаро казался имъ не опаснымъ, потому-что его интриги и возможности сыграть его пьесу и общаесть употребить усилія—добиться ея публичнаго представленія. Съ такимъ рвеніемъ заботился о пьесѣ аристократъ, болѣе всего подпадавшій подъ стрѣлы комедіи. Это былъ именно одинъ изъ тѣхъ дженгляменовъ, которые «дали себѣ трудъ родиться и—только».

Тотъ же герцогъ непосредственно за письмомъ къ Бомарше сообщалъ начальнику полиціи о разрѣшеніи короля играть пьесу, переданному герцогу королевсй.

Аристократическіе охотники сторали нетерпѣніемъ въ ожиданіи отвѣта Бомарше. Одинъ изъ нихъ во всеуслышаніе заявлялъ, что «вѣдъ «Свадьбы Фигаро» вѣтъ спасенія». ГраСъ не чувствовалъ, какое горькое похлѣбье несла ему и его друзьямъ эта «Свадьба!»...

Какъ же отнесся авторъ къ этимъ мольбамъ? Всякій другой послѣдовалъ бы удовлетворить желаніе слытныхъ людей. Бомарше проявилъ высшій предѣлъ дилематической ловкости. Онъ немедленно пріѣхалъ въ Парижъ и далъ совершенно неожиданный оборотъ всему дѣлу. На представленіе своей пьесы въ частномъ спектаклѣ онъ соглашася лишь въ томъ случаѣ, если его пьеса будетъ подвергнута новой цензурѣ и указанная имъ труппа авторовъ получить пьесу въ свою собственность. Бомарше былъ увѣренъ, что поклонники пьесы въ минуты порыва согласятся на все. Онъ также былъ убѣжденъ, что никакаго цензоръ не осмѣетъ въ эти минуты создать новое препятствіе его пьесѣ. Отъ цензуры, слѣдовательно, поэтъ могъ ждать только торжественной санкціи своего произведенія.

Король не такъ легко поддавался уловкамъ хитраго автора. Сопротивлялся Людовикъ XVI не могъ: оппозиція была слышкомъ сильна. Онъ постарался затормозить постановку комедіи и назвначалъ шесть цензоровъ одного за другимъ. Отчеты большинства цензоровъ дошли до насъ. Цензоры, очевидно, страдали тѣмъ же

ослѣпленіемъ, какое владѣло аристократическими поклонниками Бомарше. Цензоры искали въ пьесѣ лишь неприличныхъ выраженій, словъ, оскорбительныхъ для слауха салонной публики. Фигаро казался имъ не опаснымъ, потому-что его интриги и возможности сыграть его пьесу и общаесть употребить усилія—добиться ея публичнаго представленія. Съ такимъ рвеніемъ заботился о пьесѣ аристократъ, болѣе всего подпадавшій подъ стрѣлы комедіи. Это былъ именно одинъ изъ тѣхъ дженгляменовъ, которые «дали себѣ трудъ родиться и—только».

Король не такъ легко поддавался уловкамъ хитраго автора. Сопротивлялся Людовикъ XVI не могъ: оппозиція была слышкомъ сильна. Онъ постарался затормозить постановку комедіи и назвначалъ шесть цензоровъ одного за другимъ. Отчеты большинства цензоровъ дошли до насъ. Цензоры, очевидно, страдали тѣмъ же

ослѣпленіемъ, какое владѣло аристократическими поклонниками Бомарше. Цензоры искали въ пьесѣ лишь неприличныхъ выраженій, словъ, оскорбительныхъ для слауха салонной публики. Фигаро казался имъ не опаснымъ, потому-что его интриги и возможности сыграть его пьесу и общаесть употребить усилія—добиться ея публичнаго представленія. Съ такимъ рвеніемъ заботился о пьесѣ аристократъ, болѣе всего подпадавшій подъ стрѣлы комедіи. Это былъ именно одинъ изъ тѣхъ дженгляменовъ, которые «дали себѣ трудъ родиться и—только».

Тотъ же герцогъ непосредственно за письмомъ къ Бомарше сообщалъ начальнику полиціи о разрѣшеніи короля играть пьесу, переданному герцогу королевсй.

Аристократическіе охотники сторали нетерпѣніемъ въ ожиданіи отвѣта Бомарше. Одинъ изъ нихъ во всеуслышаніе заявлялъ, что «вѣдъ «Свадьбы Фигаро» вѣтъ спасенія». ГраСъ не чувствовалъ, какое горькое похлѣбье несла ему и его друзьямъ эта «Свадьба!»...

Какъ же отнесся авторъ къ этимъ мольбамъ? Всякій другой послѣдовалъ бы удовлетворить желаніе слытныхъ людей. Бомарше проявилъ высшій предѣлъ дилематической ловкости. Онъ немедленно пріѣхалъ въ Парижъ и далъ совершенно неожиданный оборотъ всему дѣлу. На представленіе своей пьесы въ частномъ спектаклѣ онъ соглашася лишь въ томъ случаѣ, если его пьеса будетъ подвергнута новой цензурѣ и указанная имъ труппа авторовъ получить пьесу въ свою собственность. Бомарше былъ увѣренъ, что поклонники пьесы въ минуты порыва согласятся на все. Онъ также былъ убѣжденъ, что никакаго цензоръ не осмѣетъ въ эти минуты создать новое препятствіе его пьесѣ. Отъ цензуры, слѣдовательно, поэтъ могъ ждать только торжественной санкціи своего произведенія.

Король не такъ легко поддавался уловкамъ хитраго автора. Сопротивлялся Людовикъ XVI не могъ: оппозиція была слышкомъ сильна. Онъ постарался затормозить постановку комедіи и назвначалъ шесть цензоровъ одного за другимъ. Отчеты большинства цензоровъ дошли до насъ. Цензоры, очевидно, страдали тѣмъ же

ослѣпленіемъ, какое владѣло аристократическими поклонниками Бомарше. Цензоры искали въ пьесѣ лишь неприличныхъ выраженій, словъ, оскорбительныхъ для слауха салонной публики. Фигаро казался имъ не опаснымъ, потому-что его интриги и возможности сыграть его пьесу и общаесть употребить усилія—добиться ея публичнаго представленія. Съ такимъ рвеніемъ заботился о пьесѣ аристократъ, болѣе всего подпадавшій подъ стрѣлы комедіи. Это былъ именно одинъ изъ тѣхъ дженгляменовъ, которые «дали себѣ трудъ родиться и—только».

Тотъ же герцогъ непосредственно за письмомъ къ Бомарше сообщалъ начальнику полиціи о разрѣшеніи короля играть пьесу, переданному герцогу королевсй.

Аристократическіе охотники сторали нетерпѣніемъ въ ожиданіи отвѣта Бомарше. Одинъ изъ нихъ во всеуслышаніе заявлялъ, что «вѣдъ «Свадьбы Фигаро» вѣтъ спасенія». ГраСъ не чувствовалъ, какое горькое похлѣбье несла ему и его друзьямъ эта «Свадьба!»...

Какъ же отнесся авторъ къ этимъ мольбамъ? Всякій другой послѣдовалъ бы удовлетворить желаніе слытныхъ людей. Бомарше проявилъ высшій предѣлъ дилематической ловкости. Онъ немедленно пріѣхалъ въ Парижъ и далъ совершенно неожиданный оборотъ всему дѣлу. На представленіе своей пьесы въ частномъ спектаклѣ онъ соглашася лишь въ томъ случаѣ, если его пьеса будетъ подвергнута новой цензурѣ и указанная имъ труппа авторовъ получить пьесу въ свою собственность. Бомарше былъ увѣренъ, что поклонники пьесы въ минуты порыва согласятся на все. Онъ также былъ убѣжденъ, что никакаго цензоръ не осмѣетъ въ эти минуты создать новое препятствіе его пьесѣ. Отъ цензуры, слѣдовательно, поэтъ могъ ждать только торжественной санкціи своего произведенія.